Вырезка из газеты Советское Искусство
Москва от 17 ОКТ 36
Газета №

17

К. Березов

СЧАСТЛИВЫЙ ПУТЬ

Сегодня на Дальний Восток уезжает театр Ленсовета. Московские организации не случайно посылают именно этот театр на смену МРХТ, закончившему свою работу на Дальнем Востоке. Коллектив театра Ленсовета вырос и развился из небольшой группы выпускников Цететиса, начавшей свою деятельность 10 лет назад в бывшем Замоскворецком театре.

Работая в центре крупного пролетарского района, театр естественно стремился удовлетворять насущные запросы рабочего зрителя района. Широкий круг интересов этого зрителя определял и репертуарную политику театра. Доминирующим было стремление дать полноценное советское произведение. Но и классика не оставалась за пределами внимания коллектива. Известная самостоятельность, стремление к поиску собственных путей всегда ощущались в театре Ленсовета и сказались в ряде оригинальных и самобытных постановок.

Та же связь с рабочим зрителем определила стилевые тенденции театра, как театра целиком реалистического. Эта тенденция нашла свое выражение в работе художественного руководителя К. А. Зубова, выдающегося актера советской сцены, руководящего театром на протяжении последних пяти лет. При его непосредственной помощи труппа театра выросла и воспитала ряд весьма талантливых артистов, в том числе Левыкину, Белоусову, Лабунскую, Кашинову, Орлову, Плотникова, Чаусова, Любимова, Морского, Евстигнеева, Треплева, Машкова, Кузовкова. Особо должно упомянуть Матисову, артистку несомненно яркого дарования, возможности которой, как кажется, еще целиком не раскрыты.

Перед своим от'ездом на Дальний Восток театр показал свою новую работу «Герман» по Пушкину.

Самое название пьесы вызывает двоякое ощущение — острый интерес и известную настороженность. Интерес — потому, что это первая «пушкинская постановка» в серии готовящихся работ в связи с юбилеем великого поэта. «Герман» — стало-быть, «Пиковая дама». А как же поставить в драматическом театре «Пиковую даму», уже обретшую совершенно определенную театральную традицию в гениальной музыке Чайковского и оперных постановках? Естественна и настороженность: «инсценировка» слишком часто становится синонимом халтуры. Могло случиться и так, что Пушкин предстанет в искаженном, изуродованном виде, как в свое время оказался изуродованным Бальзак («Человеческая комедия»).

Всего этого, к счастью, не случилось. Перед нами не лишенное, правда, некоторых недостатков, но все же целостное художественное произведение, в котором образы Пушкина нашли необычное, но живое воплощение.

В основе пьесы — «Пиковая дама» Пушкина. Но стремясь расширить, сделать более живописным, ярким и значительным общественный фон, на котором разыгрываются основные события повести, стремясь к обогащению введенных в пьесу характеров, авторы (М. Гус и К. Зубов) использовали целый ряд пушкинских произведений в прозе, главным образом ряд незаконченных произведений и набросков. «Роман в письмах», «Гости с'езжались на дачу», «На углу маленькой площади», «Мы проводили вечер на даче», черновой вариант «Египетских ночей», «Гробовщик» из «Повестей Белкина» использованы авторами. Материал выбирался с необычайной тщательностью. Благодаря этому ряд персонажей, которых Пушкин лишь вскользь упоминает в «Пиковой даме», в пьесе оказался конкретным и реальным.

Наиболее органичным в пьесе оказался образ Германа. Он именно таков, каким нарисовал его Пушкин. Он «скрытен и честолюбив», имеет «сильные страсти и огненное воображение». Это человек, который не останавливается ни перед какими средствами для достижения своих целей. Он жаждет славы и денег. Он в этом смысле напоминает заурядный образ «молодого человека XIX века», правда, в его весьма своеобразном русском обличии. Железной стеной стоят на его пути Томские, богатые потомки родовитых аристократов, перед которыми открыты все пути в жизни.

Плотников в роли Германа

В полном соответствии с Пушкиным обрисована авторами пьесы и Лиза. Зритель чувствует, как «горек чужой хлеб» Лизе, как для нее «тяжелы ступени чужого крыльца».

Столь же выразительны, жизненны оказались и другие образы повести — Томский, Полина, графиня. Гораздо менее убедительным вышел Минский. Попытка воплотить в этом образе идеи отгремевших «декабристских бурь» оказалась несостоятельной. Основные события пьесы проходят мимо этой темы. Можно понять намерения авторов, но нельзя признать их осуществленными. Минский бродит в пьесе бледной тенью. Да это и неизбежно: Минский у Пушкина не декабрист и не Чацкий. Активность чужда его натуре. Страсти угасли, молодость миновала. Если признать закономерность этого образа в пьесе, то именно только как образ холодного иронического наблюдателя и комментатора событий светской жизни.

В своей постановке театр стремился следовать за текстом. Он хотел воссоздать на сцене трагедию Германа, воссоздать тот фон холодной и пустой светской жизни, который нарисован пьесой. Это удалось театру лишь в основном, в главном. Молодой коллектив никогда еще не ставил и не играл подобных пьес. Это сказалось на исполнении ряда ролей. Блестящие гвардейские мундиры сами по себе не могли воссоздать характеры эпохи. Не нашел театр соответствующих исполнителей для некоторых ведущих ролей. Не находит нужного тона, например, Лиза, слишком сильны навыки, приобретенные в бытовых ролях. Тот же грех сказывается в игре Любимова (Томский). Это милый, добродушный персонаж из «Поднятой целины», шутки ради напяливший на себя мундир гвардейского офицера. Это не тот надменный богач, кутила и вивер, которому так завидует и которого смертельно ненавидит Герман.

Наиболее интересным образом спектакля оказался Герман в исполнении Плотникова. «Огненное воображение» Германа, о котором говорит Пушкин, Плотников доводит до степени маниакальности. И против этого не приходится спорить, ибо современный зритель не может воспринять Германа иначе, как человека маниакального, одержимого. Но одержимость эта, дьявольское стремление во что бы то ни стало добиться цели, разбогатеть и выслужиться, встать в один ряд или даже впереди Томских, Нарумовых, вызвано совершенно определенными обстоятельствами — беспросветностью, бесперспективностью жизни Германа. В этом смысле Герман — носитель того протеста, который вскоре в иной форме и иными средствами выразят представители русского «третьего сословия». Вот эта сторона пьесы и пушкинской повести ощущается менее явственно. И не столько может быть по вине Плотникова, сколько потому, что зрителю трудно установить, ощутить, воспринять разницу между Германом и Томским.

Бесспорно интересный характер создает Матисова в роли Полины. Это холодная, надменная кокетка, не лишенная, правда, и черт обаятельности. Но в сцене с Томским Матисова также сбивается на тон бытовой комедии, чуждый той среде, представительницей которой является Полина. Очень трудная задача выпала на долю Левыкиной (графиня). Нелегко в наши дни играть «привидение» и не менее трудно преодолеть десятилетиями утвердившийся оперный штамп этого образа. И все же Левыкина справляется со своей задачей. Зритель верит в реальность образа старухи.

Большое место в спектакле занимает художник Пименов, может быть даже слишком большое. В его оформлении ощущается внутренняя борьба самого Пименова, иллюзорное сочетается с реальным, призрачное с вещным. Реалистические интерьеры и павильоны и иллюзорные задники и кулисы. Петербург кажется фантастическим. То же относится к кулисам, в какой-то мере воспроизводящим стиль пушкинских рисунков на полях рукописей. Это может быть хорошая живопись, сама по себе интересная, но она привносит в спектакль чрезмерный элемент условности, чуждый характеру постановки и пьесы. Пименов талантливый художник, но его стремление обособиться, стремление к независимому от текста решению не может быть признано закономерным.

Указанные нами недостатки спектакля нимало не умаляют его существенных и реальных достоинств. Задача коллектива заключается в том, чтобы повысить общий уровень исполнения, сделать спектакль более строгим и стильным. Новый замечательный зритель, который будет смотреть и судить спектакль театра, достоин самых совершенных, самых ярких художественных произведений. В борьбе за новые достижения пожелаем театру удачи.